

ИСТОРИЯ НАУКИ

Л. Г. РАМЕНСКИЙ: КОНТАКТЫ С Н. И. ВАВИЛОВЫМ (из хроники 1920-х гг.)

L. G. RAMENSKY COMMUNICATION WITH N. I. VAVILOV (FROM THE CHRONICLE OF THE 1920'S)

© В. Б. ГОЛУБ
V. B. GOLUB

Институт экологии Волжского бассейна РАН, 445003, Тольятти, ул. Комзина, 10.
E-mail: vbgolub2000@mail.ru

Настоящая статья продолжает публикации автора в журнале «Растительность России», посвященные биографии Л. Г. Раменского (Голуб, 2013, 2014). В ней рассматривается небольшой фрагмент из жизни Л. Г. Раменского, связанный со временем его общения с Н. И. Вавиловым, 130-летний юбилей которого отмечается в 2017 г.

Ключевые слова: *Л. Г. Раменский, Н. И. Вавилов, биография, история науки, Каменная степь.*

Key words: *L. G. Ramensky, N. I. Vavilov, biography, science history, Kamennaya steppe.*

В конце 1917 г. семейные обстоятельства и революция заставили Леонтия Григорьевича Раменского (1884–1953) с его будущей женой Верой Михайловной Флоровой переехать на постоянное жительство из Петрограда в Воронежскую губернию, где он прожил до 1928 г. Можно с уверенностью утверждать, что годы пребывания на воронежской земле были одними из самых плодотворных в его жизни. К сожалению, восстановить с достаточной полнотой события этих лет трудно, поэтому довольно часто в статье используются такие слова, как «возможно», «предположительно», «вероятно».

В Воронежской обл. Раменский работал в нескольких организациях, где общался и сотрудничал с такими известными учеными, как Б. А. Келлер,¹ Б. М. Козо-Полянский,² А. И. Мальцев,³ Н. И. Вавилов. В этой краткой статье мы остановимся на том немногом, что известно о его контактах и переписке с Николаем Ивановичем Вавиловым — выдающимся ботаником, генетиком, географом.

Материалом для написания статьи, кроме существующих публикаций, служили сведения, извлеченные из Государственного архива Воронежской обл. (ГАВО), архивов Всероссийского научно-исследовательского института кормов

им. В. Р. Вильямса (ВНИИ кормов), музея Научно-исследовательского института сельского хозяйства Центрально-Черноземной полосы им. В. В. Докучаева (НИИСХ ЦЧП).

Для иллюстрации условий, в которых жил и работал Раменский в рассматриваемый период, мы публикуем отрывок из его письма другу по Петербургскому университету В. П. Савичу,⁴ хранящегося в архиве Ботанического института им. В. Л. Комарова (БИН) РАН. С этой же целью приведены фрагменты из дневниковых записей Е. Н. Флоровой.⁵

Следует обратить особое внимание на одну из публикаций, которая была нами использована: в статье заведующей музеем НИИСХ ЦЧП А. И. Пащенко (2005) в воронежском городском литературно-художественном и публицистическом журнале «Кольцовский сквер» помещена неизвестная ранее переписка Н. И. Вавилова с сотрудниками Степной станции за 1922–1925 гг. Эти письма в виде фотокопий в 1980-е гг. привезла из Всесоюзного института растениеводства (ВИР) одна из сотрудниц НИИСХ ЦЧП (А. И. Пащенко, устное сообщение). Поскольку названный журнал малодоступен для широкого круга читателей, мы сочли целесообразным некоторые письма, имеющие

¹ Келлер Борис Александрович (1874–1945) — биолог, геоботаник, почвовед, академик АН СССР (1931) и ВАСХНИЛ (1935).

² Козо-Полянский Борис Михайлович (1890–1957) — ботаник, член-корреспондент АН СССР (1932).

³ Мальцев Александр Иванович (1879–1948) — ботаник, академик ВАСХНИЛ (1935).

⁴ Савич Всеволод Павлович (1885–1972) — лишенолог, работавший в начале 1920-х гг. ученым секретарём Главного ботанического сада РСФСР в Петрограде.

⁵ Екатерина Никифоровна Флорова (1861–1928) — мать В. М. Флоровой.

Леонтий Григорьевич Раменский. 1922 г. Воронеж. Фото из личного архива О. Л. Романовой.

Leontiy G. Ramensky. 1922. Voronezh. Photo from the personal archive of O. L. Romanova.

отношение к Раменскому, привести в данной статье, снабдив их комментариями, которые отсутствуют в первоисточнике.

Выбор Раменским Воронежской губернии для переезда был не случаен. В 1911–1917 гг. он бывал там, участвуя в проекте по комплексному изучению природы, которое называли «естественно-историческими исследованиями». Раменский отвечал за изучение лугов и болот, бывшее составной частью общих геоботанических работ, которыми в 1911–1914 гг. заведовал В. А. Дубянский,⁶ а с 1915 г. — Б. А. Келлер.

Раменский и Флорова поселились в Павловске — уездном городе, расположенном на левом берегу Дона, при впадении р. Осередь, в 156 км от Воронежа. В 1914 г. Раменский основал в этом городе луговой опорный пункт, который в 1920 г. вошел в систему опытных учреждений Воронежской обл. (Чаянов, 1921; Вислогузов, 2006). Он

имел в Павловске свой дом или квартиру,⁷ которые мог купить на средства, доставшиеся в наследство от умершего в 1914 г. отца — богатого домовладельца в Петрограде.

В 1920 г. Раменский был назначен руководителем Павловской луговой опытной станции, подчинявшейся Воронежской областной опытной сельскохозяйственной станции. На этой должности он оставался до 1926 г. В апреле 1920 г. Раменский стал работать еще и в Воронежском сельскохозяйственном институте (ВСХИ) научным сотрудником, одновременно читая студентам лекции по луговедению. В ВСХИ, на территории институтского городка, Раменский, вероятно, получил служебное жилье, что позволило ему перевезти в Воронеж жену с сыном.⁸ В этом же 1920 г. он устроился еще и на должность геоботаника на Каменно-Степную опытную станцию.⁹ Эта станция была организована в 1911 г. в Каменной степи в Воронежской губернии одновременно со Степной станцией. В начале 1920-х гг. первая из них состояла в ведомстве Управления по опытному делу Средне-Черноземной области, находившегося в Воронеже,¹⁰ вторая подчинялась Бюро (Отделу) по прикладной ботанике в Петрограде.¹¹

Земли Каменно-Степной и Степной станций граничили между собой, а их центральные усадьбы находились всего лишь в 2,5 км друг от друга. В настоящее время правопреемником обеих станций является НИИСХ ЦЧП.

Основным направлением Каменно-Степной станции являлось изучение почв и растительности целины и залежи разных возрастов, а также влияния защитных лесных насаждений на водный баланс и развитие культурных растений. В задачу Степной станции входило испытание различных сельскохозяйственных культур в условиях Воронежской обл. (Чаянов, 1921). Так как в первой половине 1920-х гг. заведующим Степной станцией был А. И. Мальцев — один из основоположников гербологии, то наряду с сельскохозяйственными культурами тут высевали и большую коллекцию овсянгов и других сорных растений (Вишнякова, 2016). На территории обеих станций при их организации существовали и до сих пор существуют искусственные лесные насаждения и залежи, некоторым из них сейчас более 120 лет (Паршутина, 2000).

В сентябре 1920 г. в Воронеже собрался 1-й Всероссийский съезд по прикладной ботанике, в организационный комитет которого был включен Раменский.¹² Как пишет И. Е. Филоненко (2000), мысль о необходимости созвать это совещание пришла участникам 3-го Всероссийского селекционного съезда, который состоялся 4–13 июня 1920 г. в Саратове. В этом городе в Сельскохозяйственном

⁶ Дубянский Владимир Андреевич (1877–1962) — геоботаник.

⁷ Наличие квартиры в Павловске у семьи Раменских подтверждается в дневниковых записях Е. Н. Флоровой.

⁸ О том, что Раменский имел жилье в районе городка ВСХИ, можно судить по дневниковым записям Е. Н. Флоровой.

⁹ Все сведения о местах и времени работы Раменского взяты из его «личного дела», хранящегося во ВНИИ кормов.

¹⁰ Управлению по опытному делу Средне-Черноземной области подчинялись опытные сельскохозяйственные учреждения Воронежской, Курской и Тамбовской областей.

¹¹ Бюро по прикладной ботанике Ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ, созданное в 1894 г., многократно меняло названия и подчинение. В 1930 г. оно было преобразовано во Всесоюзный институт растениеводства, сейчас это Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н. И. Вавилова.

¹² ГАВО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 38. Л. 282.

институте работал Вавилов, который был председателем съезда. В Саратов из Воронежа приезжали профессор ВСХИ Б. А. Келлер и С. К. Чаянов¹³ (Алфавитный указатель..., 1920). Естественно, на воронежский съезд был приглашен Вавилов, который исполнял обязанности заведующего Бюро по прикладной ботанике.

Как явствует из предварительной программы совещания, Вавилов должен был сделать сообщение на тему: «О задачах прикладной ботаники России».¹⁴ Однако по просьбе организационного комитета он повторил доклад о законе гомологических рядов, прочитанный им впервые в июне на саратовском съезде (Вавилов, 1920).

Раменский на съезде сделал 5 докладов, больше, чем кто-либо другой: 1) «К определению основных понятий геоботаники и синэкологии», 2) «Метод рядов в геоботанике на примере лугового исследования Воронежской губернии», 3) «Луга Воронежской губернии, как явление географическое», 4) «О методе и технике работ, применяемых при исследовании лугов Воронежской губернии», 5) «Учет смен растительности из года в год и анализ взаимных отношений растений внутри ассоциации на примере лугов Воронежской губернии» (Аноним, 1921). Доклады эти не были опубликованы, и о содержании их мы можем судить лишь по их заголовкам.

Примерно на эти же темы Раменский сделал доклады через несколько месяцев на 1-м Всероссийском съезде по геоботанике и соприкасающимся отраслям естествознания, состоявшемся 8–17 марта 1921 г. в Москве. Их очень кратко пересказал А. П. Ильинский.¹⁵ Но сами доклады тоже не были опубликованы и даже неизвестно их название. Оценивая в целом доклады Раменского, Ильинский писал:

«Невозможно, к сожалению, в коротком отчете исчерпать всего богатства мыслей, заключавшегося в докладах Раменского. Отмечу только, что центр тяжести в них лежал не в фактах, а в методологии» (Ильинский, 1921: 63).

Можно думать, что и в Воронеже впечатление от докладов Раменского у слушателей было схожее. Поэтому в заключительной речи почетный председатель воронежского съезда Д. А. Ячевский¹⁶ среди 4 наиболее понравившихся ему молодых сотрудников ВСХИ назвал и Раменского:

«В лице В. И. Иванова,¹⁷ Н. П. Кобранова,¹⁸ Б. М. Козо-Полянского¹⁹ и Л. Г. Раменского съезду пришлось познакомиться с деятельностью и направлением более молодых научных сил, гаранти-

рующих Воронежскому институту преемственность основательных работ по ботанике вообще и по прикладной в частности» (Аноним, 1921: 88).

Во второй половине 1920 г., готовясь к переезду из Саратова в Петроград, Вавилов подбирал кадры научных работников для Бюро по прикладной ботанике, которое он значительно расширил. Причем делал он это, прежде всего, за счет лиц, с которыми был хорошо знаком. Так, он перевез в 1921 г. в Петроград 13 сотрудников кафедры частного земледелия и селекции, работавших с ним в Саратове в Сельскохозяйственном институте (Короткова, 1987). Видимо, ярко блеснув своими докладами, Раменский заинтересовал Вавилова, и тот решил к нему лучше присмотреться. Для этого он мог в кулуарах воронежского съезда договориться с Раменским о сотрудничестве. В дальнейшем оно могло бы закончиться привлечением его к работе в Бюро на постоянной и долговременной основе. Надо сказать, что у Вавилова уже был успешный опыт вовлечения геоботаника-лугововеда (каковым в Воронеже считался и Раменский) в сферу своих интересов. Таким человеком была Е. Н. Синская,²⁰ начавшая работать с Вавиловым в Саратове в том же 1920 г. (Филатенко, 2009). Вавилов полагал, что фитоценолога можно переквалифицировать для выполнения исследований, которыми он руководил. Это видно из его письма геоботанику Е. А. Дояренко,²¹ искавшей работу: *«Вот если Вы надумаете уклон взять иного порядка, в нашу сторону, скажем, в сторону экологического изучения форм, их разнообразия, экотипов, хотя бы главнейших кормовых и луговых растений, то нам договориться будет легко»* (Беляев и др., 1980: 357).

Предположительный вывод о том, что у Вавилова появилась мысль «завербовать» в свое Бюро Раменского, мы делаем на основании содержания письма заведующего Степной станции Мальцева, написанного 13.05.1923 г. Вавилову. Сам Мальцев к перспективе такого развития отношений с Раменским относился весьма скептически.²²

У Раменского были свои, прагматические, интересы сотрудничества с Вавиловым. В первой половине 1920 г. у него родился второй сын. Для содержания семьи не хватало средств. О том, какие материальные трудности испытывал Раменский, уже начав работать в Каменной степи, можно судить по письму, которое он отправил Савичу 1 августа 1921 г.

Выполняя какие-то работы для Степной станции, Раменский рассчитывал на получение денежного вознаграждения и продуктового пайка, о чем

¹³ Чаянов Сократ Константинович (1882–1963) — руководитель Управления по опытному делу Средне-Черноземной области, заведующий Воронежской областной сельскохозяйственной станцией и профессор ВСХИ.

¹⁴ ГАВО. Ф. 408. Оп. 1. Д. 38. Л. 282.

¹⁵ Ильинский Алексей Порфирьевич (1888–1945) — геоботаник и биоценолог, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (1929).

¹⁶ Ячевский Артур Артурович (1863–1932) — миколог и фитопатолог, член-корреспондент АН СССР.

¹⁷ Иванов В. И. — заведующий кафедрой лесных культур ВСХИ в 1919–1930 гг.

¹⁸ Кобранов Николай Петрович (1883–1942) — лесовод.

¹⁹ Судя по существующей переписке (Беляев и др., 1980), на съезде в Воронеже Вавилов сблизился с Козо-Полянским и Келлером. Он интересовался их работами, приглашал в Петроград, снабжал новинками научной литературы.

²⁰ Синская Евгения Николаевна (1889–1965) — ботаник-систематик, генетик, селекционер, эколог, сподвижница Вавилова.

²¹ Дояренко Евгения Алексеевна (1902–1966) — геоботаник, сотрудница опытного поля Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

²² Раздражение, проглядывающее в отрывках из писем Мальцева, связано с его характером, которому были свойственны резкость, порывистость, «повышенный тон речи» (Резник, 1968). Такой тон просматривается и в других письмах Мальцева, не только относящихся к Раменскому, к чему давно его знавший Вавилов, вероятно, уже привык.

Сотрудники Воронежской областной сельскохозяйственной опытной станции в ВСХИ. Начало 1920-х гг. В центре в светлом костюме сидит Б. А. Келлер, справа от него С. К. Чайнов. Л. Г. Раменский стоит в последнем ряду (отмечен на фотографии). Фото из фонда музея НИИСХ ЦЧП.

Staff members of the Voronezh regional agricultural experimental station in the Voronezh agricultural Institute. Beginning of 1920^s. B. A. Keller in light suit sits in the center, S. K. Chayanov is to the right of him. L.G. Ramenskiy is in the last row (marked on photo). Photo from the Museum of Dokuchaev Agricultural Research Institute of the Central Chernozem Zone.

упоминается в письме Мальцева от 17.05.1923 г. Вавилову. Вероятно, о таком вознаграждении труда Раменского на Степной станции существовала предварительная договоренность с Вавиловым. Не мог же Раменский его требовать от Мальцева, не согласовав заранее свои претензии с Вавиловым. И, очевидно, Раменский такую помощь получал. Мальцев в своем письме пишет, что он отказывается предоставить лишь помещение для практикантов Раменского.

Среди причин, из-за которых Мальцев не видит перспектив сотрудничества с Раменским, на первое место он ставит плохое состояние его здоровья. Действительно, Раменский в письмах В. Л. Комарову²³ в 1919–1920 гг. (Голуб, Николайчук, 2012) и в приводимом ниже фрагменте письма Савичу жаловался на плохое самочувствие, на то, что он болен туберкулезом. Если его плохое физическое состояние замечали другие люди, очевидно, это была не субъективная оценка своего здоровья. И можно только удивляться, что при таком плохом здоровье Раменский демонстрирует огромную работоспособность. Кстати, можно заметить, что Раменский всю жизнь сетовал в своих письмах на различные

недомогания и болезни, но на туберкулез — только в первые послереволюционные годы. Если это была не ошибка в диагнозе, значит, он каким-то образом избавился от него. Возможно, это произошло благодаря более здоровому климату Воронежской области по сравнению с Петроградом, и улучшению питания, когда он стал работать на двух сельскохозяйственных станциях в Каменной степи.

Степная станция имела свои посеы и огороды. Известно, что она помогала с питанием не только собственным работникам, но и служащим Бюро в Петрограде, посылая туда продовольствие. Из Петрограда оно переправлялось еще и на Детско-сельскую и Новгородскую станции (Филоненко, 2000). Практиковалась и командирование в Каменную степь из северной столицы сотрудников Бюро «на прокорм», даже вместе с членами их семей (Гончаров, 2004). Фактически с этой же целью и Раменский на полтора года вывозил свою семью в Каменную степь, о чем откровенно пишет в дневнике Е. Н. Флорова.

Кроме получения денежного вознаграждения и продовольственного пайка, Раменский рассчитывал на помощь в работе над определителем расте-

²³ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник и географ, академик АН СССР, президент АН СССР (1936–1945), учитель и друг Раменского.

ний по вегетативным признакам. И такая помощь, как следует из письма Раменского от 13.05.1923 г. Вавилову, была ему обещана. Но то ли действительно Вавилов не имел возможности зачислить в штат Бюро еще одного сотрудника, то ли прислушался к мнению Мальцева, свое обещание он не выполнил. Зная пробивную силу Вавилова, и то, как он смог в первые годы на посту заведующего значительно расширить штат Бюро, вероятнее всего, отказ Вавилова принять на работу «практиканта» для оказания помощи Раменскому был обусловлен рекомендацией Мальцева в его письме, написанном 13.05.1923 г.

С Вавиловым Раменский мог встречаться не только в Воронеже на съезде или в Петрограде, о чем упомянуто в его письме от 13.05.1923 г. У него была возможность общаться с ним летом 1922 г. и 1923 г., когда Вавилов приезжал на Степную станцию. Здесь он мог также познакомиться и с любимой женщиной Вавилова, будущей его второй женой — Еленой Ивановной Барулиной. В период работы Раменского в Каменной степи она бывала на станции несколько раз (Вишнякова, 2016).

Какую задачу ставили перед Раменским на Степной станции, когда велись переговоры о его сотрудничестве с Бюро? Ответ на этот вопрос мы находим в статье Мальцева (1923), где он пишет, что задачей Раменского являлось детальное исследование лугово-степной растительности. Однако серьезных публикаций по этому направлению у Раменского нет. В документах, хранящихся в ГАВО, есть упоминание о том, что на Каменно-Степной станции существовала неопубликованная рукопись Раменского «О влиянии лесных насаждений на травяной покров залежи».²⁴ Наша попытка разыскать эту рукопись в НИИСХ ЦЧП успеха не имела. Единственные найденные следы пребывания Раменского в Каменной степи — это его гербарные сборы в музее НИИСХ ЦЧП.

Наблюдения, которые Раменский проводил в Каменной степи, были использованы им при подготовке статьи «Основные закономерности растительного покрова и их изучение (На основании геоботанических исследований в Воронежской губернии)». Это фундаментальная работа, значение которой не утрачено до наших дней. Она была опубликована в последний год работы Раменского в Каменной степи, в 1924 г. Читая ее, можно обнаружить некоторые черты сходства с докладом Вавилова «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости», который был прочитан в Саратове и Воронеже. Во-первых, это такой же высокий уровень обобщения. Раменский, как и Вавилов, формулирует законы — «законы ценобиоза», которые вошли в золотой фонд фитоценологии. Во-вторых, если для Вавилова вид представлялся объектом, существующим как подвижная морфо-физиоло-

гическая система²⁵, то для Раменского таким подвижным объектом были растительные сообщества, находящиеся в равновесии со средой. В-третьих, Раменский, так же как и Вавилов, стремился к тому, чтобы уровень формализации выявляемых закономерностей в биологических объектах приближался к существующему в химии и физике. Разумеется, обнаруживаемая некоторая общность концептуальных взглядов объясняется не тем, что Раменский прослушал доклад Вавилова, а сходством мышления двух великих ученых. Раменский подобные мысли высказывал и ранее, до доклада Вавилова (Раменский, 1915, 1918). Но одна из фраз в статье Раменского 1924 г. вполне могла быть навеяна докладом Вавилова: «*Как в генетике элементарный вид или чистая линия характеризуются определенным составом, создающим различные формы (модификации) в зависимости от условий жизни, так и в нашем случае местообитание представляет лишь определенную потенцию условий, создающую разные среды в зависимости от того, будет ли территория покрыта лесом, лугом либо пашней и т. д.*» (Раменский, 1924: 38).

Раменский числился геоботаником Каменно-Степной станции не дольше первых месяцев 1924 г. В списке ее сотрудников за апрель 1924 г. его уже не было.²⁶ Можно предполагать, что одновременно он прекратил работать и на Степной станции, находившейся в ведении Вавилова. А семью он вывез из Каменной степи еще раньше (см. ниже запись в дневнике Е. Н. Флоровой за 27 сентября 1923 г.).

С уходом Раменского с обеих станций прекратились и его контакты с Вавиловым. Но Раменский запомнил Вавилову. Из содержания вышеупомянутого письма Вавилова Дояренко, написанного в сентябре 1928 г., можно сделать вывод, что он следил за карьерой своего несостоявшегося сотрудника: знал, что в середине этого года Раменский уехал из Воронежа в Подмоскovie, перейдя на работу в Луговой институт. Упомянув в этом письме фамилии Раменского и члена-корреспондента АН СССР Сукачева²⁷, Вавилов ставит их рядом, не делая различия в их авторитете и квалификации как геоботаников.

* * *

П р и л о ж е н и е

В Приложении помещены в хронологическом порядке письма Раменского, Мальцева, Вавилова (или их фрагменты), а также дневниковые записи Е. Н. Флоровой.

²⁴ ГАВО. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

²⁵ Четкое определение понятия «биологический вид» Вавилов дал позже: «Линнеевский вид — это обособленная, подвижная морфо-физиологическая, система, связанная в своем генезисе с определенной средой и ареалом.» (Вавилов, 1931: 27). Но смысл такого представления Вавилова об этом понятии виден уже и в докладе, сделанном в 1920 г. в Саратове и Воронеже.

²⁶ ГАВО. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 44. Л. 61.

²⁷ Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) — российский, геоботаник, лесовод, географ, член-корреспондент (1920), академик АН СССР (1943), лидер советской фитоценологии, выступавший по ряду вопросов оппонентом Раменского. Подробнее о некоторых научных противоречиях Раменского и Сукачева см. в нашей статье (Голуб, 2017).

Из письма РАМЕНСКОГО САВИЧУ.

«I.VIII. 1921. н. ст. Хреновое, Воронежской губ.

Дорогой Всеволод Павлович,

Вы, верно, уж и не ожидаете от меня ответа — так долго его не было. Причины таковы: получил Ваше письмо сравнительно недавно (задержалось на почте, потом я был в отъезде, я ведь теперь (впрочем, уже который год) провожу лето, мотаясь по губернии); но, каюсь, ответил не сразу: либо было совершенно некогда, либо был в состоянии полного изнеможения, в какое, увы, я погружаюсь теперь очень легко (переутомление форменное; конечно, на почве туберкулёза и плохого питания; впрочем, чахотка моя во мне сидит, но серьёзного развития не получает, — пока что, конечно). Как видите, у меня всё тянется моя бесконечная воронежская работа, за последние годы (с прошлого года) даже ширится — вышел с лугов на степь, а из болот в лес, пытаюсь охватить все типы растительности губернии. Затем..... совмещаю 5 должностей..... ничего не успеваю сделать..... около взапуски пишат 2 сына (3 лет и 1 года), а в кухне, на огороде и т. д. хлопочет Вера Мих[айловна] (жена), попавшая в положение одной прислуги...

На предложение Ваше продать «моховые» книги²⁸ я принуждён согласиться, как и на продажу инструментов (всех, о которых Вы пишете). При всех своих 5 должностях я только и перебиваюсь теперь продажей своих инструментов (которые когда-то покупал понемногу, мечтая о будущей своей самостоятельной экспедиции...). Когда кончится этот ресурс, придётся совсем плохо. Сделаем так: пусть они будут проданы (книги и инструменты) ко времени моего приезда на ботанич[еский] съезд в Петербург (т. е. к 20.IX н. ст.)²⁹ и, конечно, по тогдашнему курсу денег и возможно дороже — ведь всё равно по сравнению с хлебом они пойдут за бесценок.

Я был бы очень счастлив перебраться в настоящий культурный центр, к тому же родной мне (Петербург), но я слишком связан здесь нравственными обязательствами (кончить свои здесь работы) и, кроме того, вряд ли смогу жить на севере при теперешнем состоянии здоровья (каждая инфлюэнца обостряет процесс в лёгком). Буду у Вас в сентябре на съезде и м. б. половину декабря проведу в Петербурге — наговоримся...»³⁰

Из дневника Флоровой.

«1922 год. На Пасхе в субботу мы, т. е. ЛГ, Вера и я с ребятами (Левой и Алюшей) выехали из Воронежа в Каменно-Степную опытную станцию, куда ЛГ надумал переселиться, соблазняясь сытыми, привольными условиями жизни. Устроились довольно сносно, но вот скука-то, одиночное заключение. Сюда и письма-то редко приходят. Живем мы здесь три семейства и редко, редко видим стороннего человека.»

«1922 г. 23-е ноября. Завтра день моего ангела. Живем за три версты от церкви. Первый год не имею возможности пойти в церковь... Скука, одиночество... Изнервничались мы с Верой до невозможности. <...> ЛГ уехал в Петроград. ...»

Из письма МАЛЬЦЕВА ВАВИЛОВУ. 13.05.1923 г.

«... З) Только что появился в Степь Л. Г. Раменский, который все время где-то пропадавал. Явился и заявил мне, что привез практиканта для себя, который якобы на основании Вашего разговора с ним (т. е. Раменским) должен быть зачислен в штат Отдела в П[етрогра]де по крайней мере года на 3 практики и откомандирован к нему — Раменскому для занятий. Я только смог Раменскому на это ответить, что даже для сезонных практикантов у меня нет денег. Тогда он написал Вам прилагаемое при сем письмо. Должен Вам сказать, что как по состоянию здоровья, так по другим причинам (семейным, и связи своей с Воронежем), Раменский, несомненно, служить у нас в Отделе не будет, а в таком случае эту волюнку снабжать посторонних лиц практикантами (когда свои работники, даже я не имею таковых) — необходимо ликвидировать. Я бы на Вашем месте официальным письмом на имя Раменского (по адресу нашей станции) ответил, что за сокращением штатов Отдел лишен возможности предоставить практиканта Раменскому и указал бы на то, что даже постоянные специалисты отдела, как например, по сорным и другим растениям вынуждены совсем обходиться без практикантов. ...»

РАМЕНСКИЙ — ВАВИЛОВУ. 13.05.1923 г.

«Уважаемый Николай Иванович, основываясь на Вашем любезном согласии (в декабре прошл[ого] года) предоставить мне от Бюро одного практиканта-иллюстратора для окончания моего труда «Иллюстриров[анный] определитель растений Ср[едней] России в нецветущем состоянии», я пригласил с 1 мая одного молодого человека, по видимому, к этой работе подходящего. Между тем сейчас А. И. Мальцев смутил меня сведениями об отсутствии кредитов, об отказе Воронежского Областного Управления по опытн[ому] делу содержать здешних практикантов Бюро и т. д. Меня эти обстоятельства очень тревожат, и я убедительно прошу Вас сообщить мне определённо, на что я могу рассчитывать. Я очень прошу Вас, будет если малейшая возможность, зачислить Иванова (приглашенного мною) в штат Бюро как годового практиканта

²⁸ Речь идет о книгах по мхам, которые собирал Раменский.

²⁹ 25.09–05.10.1921 г. в Петрограде состоялся первый Всероссийский съезд ботаников, в котором участвовал Раменский (Исаченко, 1921).

³⁰ Личный архив В. П. Савича в БИН РАН.

Воронежского отделения, откомандировав его в мое распоряжение. Я в этом очень заинтересован по следующим причинам:

1) Мне кажется необходимым окончить свой большой «Определитель» (до 2000 видов растений), материал для которого приблизит[ельно] наполовину уже собран* и продолжает собираться. Будет очень обидно, если не удастся эту работу провести.

2) До сих пор над определителем работал я, но ещё больше моя жена. До сих пор она могла работать, т. к. не была исчерпана местная флора и семья оставляла нек[оторый] досуг. Теперь местная флора почти исчерпана (до 900 видов растений), семья увеличилась³¹, сделав жену для определителя мало работоспособной. Я могу уделять определителю только урывки времени, т. к. на моих плечах другие большие, главные работы (луговое исследование), Павловская луговая станция, преподавание. Без постоянного сотрудника, специально нами обученного и работающего под нашим руководством, дело станет. Даже на год, на два³². Оторвавшись от определителя, я неизбежно... многое потеряю, т. к. при работе не все выражается на бумаге, многое складывается, комбинируется в голове. Впоследствии, вернувшись к определителю, придётся многое заново восстанавливать, вновь втягиваться в это дело, — большая трата сил и времени.

3) Летний, сезонный практикант устроить меня не может, т. к. не оправдывает труд по его подготовке; и очень важен опыт, приобретаемый далеко не сразу. Нужно постоянное лицо, по кр[айней] мере на 2–3 года (его время будет весь год вполне занято; зимой с гербарием и литературой).

4) От Воронежа брат практиканта я не могу: помимо малости местных средств; задания нашей работы выходят из пределов Воронежской области.

5) Примите также во внимание, что я не без труда, нашел подходящее лицо и известная затрата моего и его труда уже произошла (далеко не все к эт[ой] работе способны).

6) Петрогр[адский] Бот[анический] сад и Моск[овский] университет пошли мне навстречу в смысле предоставления материала.

Итак, по всем приведённым мотивам я убедительно прошу дать мне сотрудника (согласно зимним переговорам) и надеюсь на благоприятный ответ (можно через А. И. Мальцева).

Извиняюсь за длинное письмо (наскоро писаное).

Искр[енне] уваж[ающий] Вас Л. Раменский.

*Первую треть «лугового» определителя (650 видов) выпускаю к августу».

Из письма МАЛЬЦЕВА ВАВИЛОВУ. 17.05.1923 г.

«... Досаждают меня также Раменский, с требованиями не только жалованья и пайка, но и помещений, и не для одного, а даже для 2–3 человек его практикантов, которые, как оказывается, будут кому-то собирать материал для выставки³³. Я рассердился и категорически отказал Раменскому в этом, так как все помещения у меня действительно заняты своими служащими практикантами. Очень прошу поскорее ответить Раменскому; вероятно, он напишет Вам что-либо относительно моей крутости. ...»

ВАВИЛОВ — РАМЕНСКОМУ. 07.06.[19]23 г.

«Уважаемый Леонтий Григорьевич.

Получил Ваше письмо с опозданием, т. к. был три недели в Москве для проведения экспедиции в Афганистан.

Относительно зачисления практиканта для работы по определителям, к сожалению, дело обстоит очень плохо. Воронежское областное управление не представило практикантских единиц, как это было намечено С. К. Чаяновым. Наше же положение в Петрограде таково в настоящие месяцы, что для пополнения жалованья пускаем операционные кредиты ввиду мизерности вкладов, и увеличивать число штатных и сверхштатных единиц нет никакой возможности.

Относительно постоянного практиканта вообще при наших малых штатах дело безнадежно. Практикантского штата до сих пор не имеем, несмотря на многократные ходатайства перед Наркомземом.

Ваш (Н. Вавилов)».

Из дневника Флоровой.

«27 сентября 1923-го года утром выехали из Кам[енно]-Степной опытной станции в Павловск. На трех подводах: на двух имущество наше, а на третьей мы все, на одре. Выехали в 11 часов под дождем, но скоро ветер разогнал тучи и высушил нам дорогу, так что мы ехали довольно благополучно, 28-го в 7 часов вечера были на своей квартире. Ехали все шагом, ребятам надоело. Теперь устраиваемся, нервничает. ЛГ болел ангиной. Аля захворал скарлатиной, через неделю и Левик свалился. Хорошо, что легкая форма и дети недельку полежали, и все обошлось благополучно».

³¹ В январе 1923 г. в семье Раменских родился третий ребенок.

³² Первый том этого определителя был опубликован 9 лет спустя (Флорова, Раменский, 1932).

³³ В отчете Павловской луговой опытной станции за 1923 г. есть сведения о том, что Раменский и его сотрудники готовили экспонаты для Всероссийской сельскохозяйственной выставки (ГАВО. Ф. 1065. Оп. 1. Д. 40. Л. 80).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарит А. И. Пашенко и директора НИИСХ ЦЧП В. И. Турусова за предоставленную фотографию и сведения, касающиеся истории института, А. Л. Раменского за разрешение опубликовать дневниковые записи Е. Н. Флоровой, О. Л. Романову — за фотографию Раменского, М. Е. Раменскую — за информационную поддержку.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00077.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алфавитный указатель членов III Всероссийского селекционного съезда. 1920* // Труды III Всерос. съезда по селекции и семеноводству в г. Саратове. Июнь 4–13, 1920 г. Саратов. С. 1–7.
- Аноним. 1920. 1-ый Всероссийский съезд по прикладной ботанике* // Вестн. опытного дела. № 1–2. Январь–апрель. С. 87–99.
- Беляев Д. К., Есаков В. Д., Микулинский С. Р.* 1980. Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия. 1911–1928 годы. М. 427 с.
- Вавилов Н. И.* 1920. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Труды III Всерос. съезда по селекции и семеноводству в г. Саратове. Июнь 4–13, 1920 г. Саратов. С. 41–56.
- Вавилов Н. И.* 1931. Линнеевский вид как система. М.; Л. 32 с.
- Вишнякова М. А.* 2016. Ты мой единственный самый близкий друг. Елена Барулина — ученица, соратница и жена Николая Вавилова. СПб. 408 с.
- Вислогузов П. А.* 2006. Верность земле. Воронеж. 448 с.
- Голуб В. Б.* 2013. Штрихи к биографии Л. Г. Раменского (Дополнения и комментарии к письму В. П. Савича Т. А. Работнову) // Растительность России. № 23. С. 104–114.
- Голуб В. Б.* 2014. Факты биографии Л. Г. Раменского (тридцатые годы) // Растительность России. № 25. С. 117–127.
- Голуб В. Б.* 2017. Утраченная в СССР концепция «подвижного равновесия» // Историко-биологические исследования. Т. 9. № 1. С. 40–67.
- Голуб В. Б., Николайчук Л. Ф.* 2012. Эпистолярное наследие Л. Г. Раменского в личном архиве В. Л. Комарова // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 21. № 3. С. 175–187.
- Гончаров Н. П.* 2004. Памяти выдающегося герболога (125 лет со дня рождения Александра Ивановича Мальцева) // Вестн. ВОГиС. Т. 8. № 3. С. 164–172.
- Ильинский А. П.* 1921. Московский геоботанический съезд (отчет о командировке) // Изв. Главн. Бот. сада РСФСР. Т. 20. Вып. 1. С. 62–65.
- Исаченко Б. Л.* (ред.). 1921. Дневник 1-го съезда русских ботаников в Петрограде в 1921 году. Пг. 111 с.
- Короткова Т. И.* 1987. Идти впереди жизни (страницы из саратовской биографии Н. И. Вавилова). Саратов. 144 с.
- Мальцев А. И.* 1923. Фитосоциологические исследования в Каменной степи (к вопросу о происхождении и сменах растительности степей) // Труды Бюро по прикладной ботанике и селекции. Т. 13. Вып. 2. С. 135–254.
- Паришутина Л. П.* 2000. Каменная степь — «прежде и теперь» // Степной бюллетень. № 8. С. 21–25.
- Пашенко А. И.* 2005. «Посев у нас грандиозный...» (Переписка воронежцев с академиком Н. И. Вавиловым) // Кольцовский сквер. № 1 (7). С. 113–135.
- Раменский Л. Г.* 1915. О геоботаническом исследовании лугов, болот и водоемов Воронежской губернии в 1911–1914 гг. // Материалы по опытному делу Воронежской губернии. Вып. 7. Труды губернской комиссии по опытному делу. Журналы и доклады заседаний 23–24 апреля 1915 г. С. 48–72.
- Раменский Л. Г.* 1918. Исследование лугов Воронежской губернии // Материалы по естественно-историческому исследованию Воронежской губернии. Отдел I. Организационный. Вып. I. Программы, организация и сметы по естественно-историческому исследованию Воронежской губернии. М. С. 63–93.
- Раменский Л. Г.* 1924. Основные закономерности растительного покрова и их изучение (На основании геоботанических исследований в Воронежской губернии) // Вестн. опытного дела. Январь–декабрь 1924 г. Воронеж. С. 37–73.
- Резник С. Е.* 1968. Николай Вавилов. М. 335 с. (ЖЗЛ. Вып. 11(452)).
- Филатенко А. А.* 2009. Светлой памяти Синской Евгении Николаевны // Генетические ресурсы культурных растений. Проблемы эволюции и систематики культурных растений. Материалы конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. Е. Н. Синской. СПб. С. 6–19.
- Филоненко И. Е.* 2000. Особая экспедиция: документально-историческая повесть. М. 260 с.
- Флорова В. М., Раменский Л. Г.* 1932. Определитель растений в нецветущем состоянии для средней части СССР. М.; Л. 256 с.
- Чаянов С. К.* 1921. Опытное дело и естественноисторическое исследование в Средне-Черноземной области // Вестн. опытного дела Средне-Черноземной области. № 1–2. С. 1–42.

Получено 11 апреля 2017 г.

SUMMARY

The article follows the series of author's publications devoted to the biography of L. G. Ramensky (Golub, Nikolaichuk, 2012; Golub, 2013, 2014, 2017). It describes a short period of his life when he met an outstanding botanist, geneticist, and geographer N. I. Vavilov, whose 130th anniversary is celebrated in 2017.

In 1917 Ramensky moved from Petrograd to the Voronezh region, where he lived until 1928. These years in Voronezh were among the most productive in his life. Ramensky worked in several organizations of the region where he met and cooperated with such well-known scientists as B. A. Keller, B. M. Kozo-Polyansky, A. I. Maltsev and N. I. Vavilov.

Ramensky and Vavilov met in Voronezh in September 1920 at the First All-Russian Congress on applied Botany. At the congress Vavilov repeated his talk on the law of homologous series, which he first presented in June of the same year in Saratov. Ramensky gave five talks which mainly concerned the theory of phytocenology. These presentations received a positive feedback from the congress participants. The author suggests that Vavilov thought of involving Ramensky in his research, which he directed at the Bureau of applied Botany in Petrograd. Vavilov and Ramensky agreed on cooperation. Ramensky was offered to study the meadow-steppe vegetation in the Kamennaya Steppe. Ramensky had the pragmatic approach to this cooperation. He and his family were starving. For the work assigned to him by Vavilov, Ramensky received food rations and remuneration in money. In addition, Vavilov promised to provide Ramensky with an assistant for his work on the compilation of vegetative key to the plants.

Observations made by Ramensky in the Kamen-naya Steppe were used in his article “Basic regularities of vegetation cover and their study (on the basis of geobotanical researches in Voronezh province)” (Ramensky, 1924). This fundamental work has not lost its significance until now.

REFERENCES

- Golub V. B.* 2013. Some details of the L. G. Ramensky biography (additions and comments to the letter by V. P. Savich to T. A. Rabotnov) // *Vegetation of Russia*. N 23. P. 104–114. (*In Russian*).
- Golub V. B.* 2014. Some facts of the L. G. Ramensky biography (the 30th years of the XX century) // *Vegetation of Russia*. N 25. P. 117–127. (*In Russian*).
- Golub V. B.* 2017. Utrachennaya v SSSR koncepciya «podvizhnogo ravnovesiya». [The lost concept of “moving equilibrium” in the USSR] // *Studies in the History of Biology*. Vol. 9. N 1. P. 40–67. (*In Russian*).
- Golub V. B., Nikolaichuk L. F.* 2012. Epistolarnoe nasledie L. G. Ramenskogo v lichnom arkhive V. L. Komarova. [Epistolary heritage of L. G. Ramensky in a personal archive of V. L. Komarov] // *Samarskaia Luka: problemy regionalnoi i globalnoi ekologii*. [Samarskaia Luka: problems of regional and global ecology]. Vol. 21. N 3. P. 175–187. (*In Russian*).
- Ramensky L. G.* 1924. Osnovnye zakonomernosti rastitelnogo pokrova i ikh izuchenie (Na osnovanii geobotanicheskikh issledovanii v Voronezhskoi gubernii). [Basic regularities of vegetation cover and their study (on the basis of geobotanical researches in Voronezh province)] // *Vestnik opytnogo dela. Yanvar–dekabr*. [Journal of experimental work, January–December]. P. 37–73. (*In Russian*).